

- Мы собрались тут, чтобы побеседовать, разве нет? Или мы собрались тут, чтобы держать наши рты закрытыми? Как только им не о чем будет лепетать, они затихнут, даже если хотят продолжать болтать о пустяках.

- Даже если наши солдаты могут перенести зимний холод, полагаясь на свою силу воли, что вы собираетесь делать с добычей продовольствия? Даже если мы добудем продовольствие, забирая его насильно и мародерствуя, то как вы планируете справиться с чумой? Вы все можете быть храбрыми, но вы просто переполнены излишними словами и вместо этого выделяетесь опрометчивостью.

- О чем ты говоришь? Скажи яснее, чтобы мы могли понять.

- Если есть люди, которым под силу понять сложные слова, значит, есть люди, неспособные понять даже самые легкие слова. Проблема не с моей стороны, это дилемма вашего ума. Если бы мне пришлось немного больше углубиться в вопрос, тогда ваша личность – тоже проблема.

- Теперь я могу что-то понять.

- Вы двое там, успокойтесь, пожалуйста.

- Секунду назад ты сказал нам болтать о пустяках, а сейчас ты говоришь нам замолчать? Не понимаю. Этот парень разглагольствует, как ему вздумается.

- Ты правильно понял. Или, возможно, он говорит нам закрыть рот, чтобы он мог сам болтать о пустяках? Какой плохой человек. Эй, независимо от того, как я выгляжу, я все же 12-го ранга. Зепар, у тебя какой ранг? Ты выше меня?

- Моя ошибка. Вы правы. Не уверен касательно других, но необходимо, чтобы Ситри и Белет молчали. Если два болвана, из Горной Фракции и из Равнинной Фракции, будут галдеть одновременно, поднимется суматоха. Если так будет продолжаться, у всех разболится голова.

- Этот парень сказал, что я тупой?

- Утешает то, что ты смог понять это, поскольку я не имел в виду ничего сверх того.

- О чем вы все сейчас говорите?

- Не твое дело.

Собрание продолжалось всю ночь.

Поскольку мнение большинства редко бывает единогласным, слова сходились в одной точке на мгновение, как дым, перед тем как рассеяться вновь. Чад, который мы с Барбатос подняли осенью, перешел через горы, разрушил границы и теперь сконцентрировался в этом зале совещаний Владык Демонов. Их взгляд было замутнен. Вершину не было видно. И не было никаких надежд, что их слова могут проникнуть сквозь туман. Владыки Демонов высокого ранга сидели молча более 6 часов.

- Достаточно.

Заговорила глава Горной фракции, Владыка Демонов Пеймон:

– Прошу вас, прекратите. Вы все, разве у вас не кружится голова? Эта леди не в себе. Поскольку никто не прислушивается к словам других, разговор вести невозможно, поскольку разговор вести невозможно, они не думают, а поскольку они не думают, они не способны плавно переходить от одного к другому, и таким образом они попадают в тупик. Что это за место? Тут душно.

В зале совещаний стало тихо.

Владыки Демонов, которые до этого переругивались, закрыли рты перед Пеймон. Казалось, они очень боялись отвечать, а не то что бы сказать им было нечего.

Прежде Пеймон пробовала обвинить меня в преступлении в этом месте и потерпела ужасное поражение. И хотя, возможно, репутация Пеймон пострадала вследствие того инцидента, она все еще командовала наибольшим числом Владык Демонов. Люди говорили о Пеймон и ее прислужниках как о Горной фракции.

Владыки Демонов, принадлежавшие к Горной фракции, построили свои замки в самых отдаленных уголках гор, чтобы помешать людям легко к ним подобраться. Это отразилось на их имени, «Горная фракция». Место, куда было трудно подобраться человеческим силам, было так же трудно покинуть и армиям демонов. Мирно. Естественно, поскольку и зайти, и выйти было затруднительно, сражений происходило мало. Владыки Демонов из Горной фракции не хотели идти на войну с человеческими армиями. Для них малодушие было их осторожностью, так что масштабная война была злом тут и теперь. Согласно Пеймон и ее прислужникам, они защищали мир расы демонов.

Однако, согласно предположению Сократа, имя Горной фракции возникло совершенно иным способом. Она называлась Горной фракцией, потому что грудь Пеймон была высока, как горы. Пеймон вместе со своими массивными горами защищала Владык Демонов, а Владыки Демонов подчинялись ее материнскому инстинкту. Сократ говорил о Пеймон и ее прислужниках как о Фракции Большой груди.

Бонжур—.

Пеймон произнесла:

– Какие есть доказательства того, что человеческая армия собирается напасть на наши земли?

—.....

– Вижу. Доказательств нет. Наши люди изнурены чумой. Вместо поиска несуществующих

подтверждений, мы должны позаботиться о нашей недостающей прибыли и укрепить внутренние дела.

– Ух ты—. Эй-эй, вы посмотрите, как бездумно говорит эта сучка, – сказала лидер Равнинной фракции, Барбатос.

Барбатос и группа ее сторонников проживали в замках Владык Демонов, построенных на обширных долинах. Представители человеческой расы и расы демонов бесконечно сражались за плодородную землю. Прежде, чем все могли устать от вечной битвы, рождалось новое поколение, которое снова наследовало битву. Война продолжалась. В отличие от людей, которые могут передать сражение своим потомкам, нового поколения земли, которая передала бы яростную битву, не существует. Земля оставалась на месте и дальше продолжала получать отметины в сражениях. Сотни лет повторялся процесс получения шрамов и самоисцеления. После 300 лет земля больше не была плодородной даже для единственного зерна пшеницы или колоса ячменя. Земля погибла, а война еще продолжалась. Барбатос и ее группировка, которые настойчиво продолжали вести это напрасное сражение, именовались Равнинной фракцией.

Владыки Демонов в Равнинной фракции пытались найти что-то на земле, где ничего не осталось. Как нищие наделяют бедность достоинствами честности, а священнослужители утверждают, что слабость – это доброта, так и Владыки Демонов сменили «отсутствие причины сражаться» на «отсутствие потребности в причине, чтобы сражаться». Для них сама война была священна. Раз у нас нет ничего, нам необходимо иметь что-то, вот была их логика. Разве они не были группкой людей, потерявших над собой контроль?

Однако, согласно теории Карла Маркса, возникновение названия Равнинной фракции было связано с чем-то совершенно другим. Она называлась Равнинной фракцией, потому что грудь Барбатос была такая же широкая, как великие равнины. Как ровное поле, Барбатос принимала Владык Демонов, а Владыки Демонов были тронуты тем, насколько вместительной она была. Карл Маркс именовал Барбатос и ее группировку Фракцией Плоской груди.

Это так хорошо (C'est si bon)—

– О, посмотрите на этот деревенский народ. Вы планируете молча смотреть, как эта сучка, несет какую-то херь? Раз ее рожа такая раздражающая, значит в ее словах нет смысла. А раз нет смысла в ее словах, значит нет мозгов в ее голове, а раз нет мозгов в ее голове, значит, ее обычная блажь возвышается до полной чуши и бурно разрастается. Она именно такая шлюха, которая заносчиво отнесет себя и к небесам, и к земле и вконец слетит со всех катушек, если вы не остановите эту сучку сейчас.

– ...

Пеймон глубоко вздохнула.

На ее лице было выражение, словно она этого ждала.

Опустив взгляд с потолка вниз, Пеймон заговорила.

– Какая жалость. Если лицо этой леди раздражает, тогда это показывает отсутствие интеллекта в твоей голове, а если слова этой леди бессмысленны, то разве это не говорит о том, что твоей жизни нечего на них ответить? Поскольку проживать жизнь без ответов так душераздирающе, то почему бы прямо сейчас не покончить с нею посредством самоубийства? ... О дорогая. Эта леди приносит прощения. Если бы ты совершила самоубийство, то это значило бы, что ты пришла к пониманию, что в твоей жизни действительно нет ответов, но в голове у Барбатос нет ума, ведь так? На мгновение, эта леди забыла об этом.

Я хотел встать и поаплодировать им.

Это же были Барбатос и Пеймон.

Это стоило того, чтобы выдержать добрых 6 часов скуки и постоянного прокручивания порнографии в моей голове.

Я жил до этого момента, чтобы увидеть, как эти двое спорят. Они умели красиво ругаться. В соответствии с плоской грудью Барбатос ее заборная брань бросалась на глазок, а в согласии с пышным бюстом Пеймон, ее проклятия лились в обход. Ни у одной стороны не было нормальной груди. Вот так. Это были ненормальные груди...

...

Или все не так?

Это их способности были ненормальные, а не их груди?

Или это не имело значения?

Передо мной все словно слегка кружилось. Странно. Если исключить то, что немного раньше сегодня я был с мисс Фарнезе, пока мы вместе курили, больше в течение дня я ничего не делал. Да и этим я наслаждался очень недолго перед тем, как прийти в зал совещаний.

Что ж, иногда бывали такие дни.

Адью—.

Мадмуазель—.

– Война не подлежит обсуждению. – Промолвила Пеймон. – Это не гражданская война где мы ссоримся и кусаем друг друга, а масштабная война против всей человеческой расы. Тысячи людей погибнут, а сотни тысяч будут ранены. Прошу вас, взвесьте эти цифры. Это не те жизни, с которыми можно расправиться без должного подтверждения.

– Хи. Так ты говоришь, если у нас будет предлог, то война возможна?

– Это решится, когда придет на то время. Эта леди говорит сначала предоставить доказательства. Если об этом не позаботиться заранее, то обсуждение начала войны сейчас преждевременно.

<http://tl.rulate.ru/book/378/32642>